GUMILYOV JOURNAL OF SOCIOLOGY
ISSN (Print) 3080-1702. ISSN (Online) 3104-4638

МРНТИ 04.61.51
Исследовательская статья
https://doi.org/10.32523/3080-1702-2026-155-2-121-129

НЕРЕАЛИЗОВАННАЯ РЕПРОДУКТИВНОСТЬ В КАЗАХСТАНЕ: РАЗРЫВ МЕЖДУ ЖЕЛАЕМЫМ И ФАКТИЧЕСКИМ ЧИСЛОМ ДЕТЕЙ

Г.К. Касимова[1], С.А. Ермаханова*[2], Ж.А. Накипбаева[3]

[1,2,3]Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Астана, Казахстан

*E-mail: [1]gulnaz.enu@gmail.com, *[2]essaltanat@gmail.com, [3]zhanarnakipbayeva@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу репродуктивных стратегий населения Казахстана на основе результатов репрезентативного социологического исследования, проведенного в 2025 году Казахстанским институтом стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан. Объем выборки составил 8 000 респондентов из всех регионов страны. Цель исследования – выявление структуры репродуктивных установок населения и факторов, препятствующих реализации семейных стратегий. Актуальность темы обусловлена постепенным снижением интенсивности рождаемости в стране: общий коэффициент рождаемости сократился с 23,11 в 2014 году до 18,15 в 2024 году на 1000 человек. Методология основана на подходах современной демографической социологии и включает измерение желаемого, планируемого и фактического числа детей в соответствии с международными стандартами анализа. Результаты показывают, что наиболее распространенной является модель нормодетной семьи (2-3 ребенка, 43,1%), при этом 43,7% респондентов в идеальных условиях хотели бы иметь четырех и более детей, что указывает на наличие разрыва между репродуктивными предпочтениями и фактическим репродуктивным поведением. Ключевыми барьерами выступают финансовые ограничения (39,1%), жилищные проблемы (23,8%) и неопределенность будущего (16,6%). Выявлены гендерные различия в репродуктивных установках: мужчины чаще ориентированы на многодетность (50,3%), чем женщины (37,8%). Региональный анализ показал контраст между южными (высокая многодетность) и северными (малодетность) регионами. Трансформация семейных ценностей проявляется в распространении нуклеарной модели семьи, индивидуализации жизненных стратегий и росте доли бездетных (11,5%). Статья вносит вклад в понимание механизмов формирования репродуктивного поведения в казахстанском обществе в условиях ценностных и экономических трансформаций и может служить основой для разработки демографической политики в Казахстане.

Ключевые слова: репродуктивные стратегии, рождаемость, нереализованная репродуктивность, семейные ценности, демографическая политика, Казахстан, региональная дифференциация, гендерные различия.

Поступила: 16.06.2025; Доработана: 17.06.2026; Одобрена: 27.06.2026; Доступна онлайн: 30.06.2026

*автор для корреспонденции

Введение

Вопросы демографического развития становятся одним из ключевых факторов долгосрочной устойчивости современных обществ. Во многих странах наблюдаются структурные изменения, связанные со снижением рождаемости, старением населения и трансформацией моделей семьи. При этом все более очевидным становится разрыв между желаемым и фактическим числом детей – феномен, определяемый в международной литературе как нереализованная репродуктивность и характерный для стран с различным уровнем экономического развития (Yeatman & Smith-Greenaway, 2025).

Казахстан в настоящее время не относится к числу стран с демографическим кризисом, однако статистические данные последних лет фиксируют постепенное снижение интенсивности рождаемости. Согласно данным Бюро национальной статистики, общий коэффициент рождаемости сократился с 23,11 на тысячу человек в 2014 году до 18,15 в 2024 году (БНС АСПиР РК, 2024). Несмотря на временный краткосрочный рост в период пандемии, долгосрочный нисходящий тренд сохраняется.

Особую значимость приобретает изучение не только фактической рождаемости, но и репродуктивных установок населения, под которыми понимаются представления людей о желаемом числе детей, планах создания семьи и условиях, при которых эти планы могут быть реализованы. Сопоставление фактического и желаемого числа детей позволяет выявить нереализованный демографический потенциал и определить барьеры, препятствующие реализации семейных стратегий (Beaujouan & Berghammer, 2019).

Понимание региональных различий также имеет особое значение. Казахстан характеризуется существенным разнообразием демографических моделей, обусловленным историческими, социально-экономическими и культурными особенностями отдельных территорий. Это разнообразие требует комплексного анализа как на национальном, так и на региональном уровнях.

Обзор литературы

Концепция нереализованной репродуктивности (unrealized fertility) занимает центральное место в современной демографической социологии. Исследователи определяют ее как систематический разрыв между желаемым числом детей и фактически рожденными, указывая на его глобальную распространенность (Yeatman & Smith-Greenaway, 2025). Согласно докладу UNFPA (2025), около 20% репродуктивного населения мира считает, что не сможет иметь желаемое число детей, при этом 39% называют финансовые ограничения ключевым барьером.

Другие же на материале европейских стран и США показали, что разрыв между намерениями и реализованной рождаемостью в значительной мере обусловлен откладыванием первых рождений, ростом нестабильности партнерских отношений и структурными экономическими условиями (Beaujouan & Berghammer, 2019). Растущий разрыв между желаниями и намерениями в отношении рождаемости зачастую связан с нарастающей неопределенностью относительно будущего (Badolato, 2025).

Теоретическое объяснение трансформации репродуктивного поведения часто связывается с концепцией второго демографического перехода, согласно которой снижение рождаемости сопровождается ростом индивидуализации жизненных стратегий, откладыванием брака и рождения детей, а также изменением ценностных ориентаций в сторону самореализации и автономии личности (Lesthaeghe, 2014). В рамках данной перспективы репродуктивные решения рассматриваются не только как результат экономических ограничений, но и как следствие изменений семейных норм и жизненных приоритетов.

Наряду с этим существенное влияние на формирование репродуктивных намерений оказывает субъективная оценка возможностей реализации жизненных планов. В соответствии с теорией запланированного поведения репродуктивные намерения зависят от индивидуальных установок, социальных

норм и воспринимаемого контроля над жизненной ситуацией, включая финансовые и жилищные условия(Dommermuth et al., 2011).

Современные исследования также показывают, что разрыв между желаемым и фактическим числом детей нередко формируется вследствие откладывания рождения детей на более поздний возраст, что снижает вероятность полной реализации первоначальных репродуктивных планов (Berrington, 2004; Kocourková & Šťastná, 2021).

В постсоветском контексте исследования демографических установок немногочисленны. В отличие от существующих исследований, статья одновременно анализирует фактическое число детей, желаемое число детей, репродуктивные намерения и барьеры их реализации на национальной репрезентативной выборке населения Казахстана, что определяет научную новизну настоящего исследования.

Цель настоящей статьи – анализ репродуктивных стратегий населения Казахстана и выявление факторов, формирующих современные модели репродуктивного поведения. Задачи исследования включают: (1) определение структуры репродуктивных установок; (2) выявление разрыва между желаемым и фактическим числом детей; (3) анализ социально-экономических барьеров; (4) изучение региональных и гендерных различий; (5) анализ трансформации семейных ценностей.

Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составляют результаты репрезентативного социологического опроса, проведенного по заказу КИСИ в период с 11 июля по 12 августа 2025 года. Объем выборочной совокупности составил 8 000 респондентов старше 18 лет из всех 17 областей и трех городов республиканского значения (Астана, Алматы, Шымкент).

Исследование проводилось методом личного стандартизированного интервью по месту жительства респондента. Выборка была многоступенчатой стратифицированной и формировалась с учетом региональной структуры населения, типа населенного пункта, пола и возраста респондентов. На завершающем этапе отбора использовались квотные параметры, соответствующие данным Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Для обеспечения сопоставимости результатов структура выборочной совокупности была приведена в соответствие с генеральной совокупностью по основным социально-демографическим характеристикам. Статистическая погрешность при данном объеме выборки не превышает ±1,1% при доверительном уровне 95%.

Методология опирается на подходы современной демографической социологии, согласно которым репродуктивные решения формируются под совокупным воздействием экономических условий, институциональной среды, культурных норм и индивидуальных жизненных стратегий. Операционализация ключевых конструктов была выстроена в соответствии с международными стандартами анализа (The Global Fertility Gap, n.d.):

1. желаемое число детей – идеальное число детей в гипотетических условиях без ограничений;
2. репродуктивные намерения – планируемое число детей с учетом реальных жизненных обстоятельств;
3. фактическая рождаемость – фактическое число детей у респондента.

Фактическая рождаемость определялась посредством вопроса о количестве имеющихся детей. Желаемое число детей измерялось вопросом: «Сколько всего детей Вы бы хотели иметь в идеальных условиях, включая уже имеющихся?». Репродуктивные намерения определялись вопросом о том, сколько детей респондент планирует иметь с учетом своих реальных жизненных обстоятельств.

Для систематизации барьеров реализации репродуктивных планов применен многоуровневый аналитический подход, позволяющий выделить факторы микро-, мезо- и макроуровней. Анализ проводился в разрезе гендерных и региональных групп. Обработка данных выполнена с использованием методов описательной статистики и сравнительного анализа, а значит требут дополнительной статистической проверки. Следует учитывать, что исследование имеет кросс-секционный характер и основано на самоотчетах респондентов. Полученные данные отражают репродуктивные установки на момент проведения опроса и не позволяют напрямую прогнозировать завершенную рождаемость, особенно среди молодых возрастных групп.

Этические аспекты. Исследование проводилось в соответствии с принципами научной этики. Участие респондентов было добровольным и анонимным. Все участники были проинформированы о целях исследования и дали согласие на участие. Конфиденциальность и анонимность данных были обеспечены на всех этапах исследования.

Результаты и обсуждение

Структура репродуктивных стратегий населения Казахстана

Современная демографическая структура страны характеризуется сочетанием нескольких моделей семейного поведения. Наиболее распространенной группой являются нормодетные семьи с двумя и тремя детьми, на которые приходится 43,1% респондентов. Эта группа составляет основу современной демографической модели Казахстана и в значительной мере определяет общую динамику воспроизводства населения. Как правило, представители данной категории находятся в возрасте 30-45 лет (39,8% среди имеющих двух детей), состоят в браке (76,9%), имеют стабильную занятость (70,1%) и высшее образование (46,3%).

Второй по численности группой являются бездетные респонденты (23,7%). При этом 81% из них не состоят в браке, что позволяет рассматривать бездетность в значительной мере как временное состояние. Среди бездетных респондентов можно выделить две группы. Первая представлена временно бездетными, преимущественно молодыми людьми, которые планируют создание семьи и рождение детей в будущем. Вторая группа включает респондентов, декларирующих отсутствие планов по рождению детей. Их доля составляет 11,5% от общей численности опрошенных. Следовательно, категории бездетности и добровольной бездетности не являются тождественными. Аналогичные тенденции зафиксированы в исследованиях UNFPA (2025), характеризующих добровольную бездетность как растущий глобальный тренд, сопровождающийся изменением социальных норм в отношении бездетности.

Третью значимую группу составляют многодетные семьи – 21,3% респондентов. Эта категория имеет выраженные региональные особенности: наибольшая доля фиксируется в Туркестанской (42,7%), Кызылординской (32,9%) областях и городе Шымкент (32,2%). Социальный профиль многодетных семей неоднороден: они встречаются как среди домохозяйств с низким (26,9%), так и с высоким уровнем достатка (25,9%), что свидетельствует о сложной связи многодетности с материальным положением.

Отдельную группу образуют малодетные семьи, воспитывающие одного ребенка, 11,9%. В отличие от многодетных, эта модель чаще встречается в северных и центральных регионах: ВКО (22,7%), Акмолинская (20%), Костанайская (19,8%), СКО (18,7%).

Оценка потенциального демографического резерва

Одним из ключевых результатов исследования является выявление существенного разрыва между фактическим числом детей и представлениями населения об идеальном размере семьи. Полученные данные свидетельствуют о наличии потенциального демографического резерва, поскольку желаемое число детей заметно превышает фактическое. Вместе с тем данный разрыв следует интерпретировать как показатель потенциальной нереализованной рождаемости, поскольку значительная часть молодых респондентов еще находится на этапе формирования семьи и не завершила реализацию своих репродуктивных планов.

При гипотетическом отсутствии ограничений 43,7% респондентов хотели бы иметь четырех и более детей, тогда как фактически многодетные семьи составляют лишь 21,3%. Особенно заметен этот разрыв среди уже многодетных: 75% из них в идеальных условиях хотели бы иметь не меньше детей. Следовательно, снижение рождаемости не всегда отражает изменение ценностей, а нередко является следствием ограничений, препятствующих реализации репродуктивных намерений (Yeatman & Smith-Greenaway, 2025).

Особенно важно учитывать возрастной состав бездетных респондентов: почти две трети из них находятся в возрасте 18-29 лет. Следовательно, отсутствие детей в данной группе не может автоматически интерпретироваться как нереализованная репродуктивность, а скорее отражает особенности жизненного цикла и более поздний переход к родительству (Badolato, 2025).

Социально-экономические барьеры реализации репродуктивных установок

Решения о рождении детей в Казахстане формируются под влиянием комплекса факторов, систематизируемых на трех аналитических уровнях.

На микроуровне доминируют экономические и жилищные ограничения. Финансовые ограничения называют ключевым барьером 39,1% респондентов, не планирующих многодетность, жилищные условия – 23,8%. Полученные данные согласуются с глобальными тенденциями, описанными UNFPA (2025), где 39% репродуктивного населения мира называют финансовые ограничения главным препятствием для рождения желаемого числа детей.

На мезоуровне значительную роль играют социально-психологические факторы. Неуверенность в будущем (экономическая и политическая нестабильность) упоминается 16,6% респондентов среди не планирующих многодетность и 15,7% среди вовсе не планирующих иметь детей; неопределенность социально-экономической ситуации – 12,6%. Сложности совмещения родительства, работы и личных интересов называют 11% респондентов.

Медицинские ограничения также приобретают все большее значение. Около 9% не планирующих иметь детей указывают на состояние здоровья как барьер; среди не планирующих многодетность 12,2% называют страх за здоровье матери и ребенка при родах.

На макроуровне прослеживается структурная трансформация жизненных стратегий. Среди молодежи 18-29 лет чаще проявляется конфликт между карьерными планами и намерениями создания семьи. Показательно, что в шкале жизненных приоритетов рождение детей занимает 7-е место (85,5% «очень важно»), уступая верности партнеру, заботе о семье и личному развитию. Таким образом происходит интеграция родительства в более широкий набор жизненных целей, характерной для переходных обществ.

Гендерные различия в репродуктивных установках

Результаты исследования выявляют некоторые гендерные различия в репродуктивных установках. Около половины мужчин (50,3%) в идеальных условиях чаще отдают предпочтение многодетной модели семьи, тогда как среди женщин аналогичная установка выражена у 37,8%. В то же время женщины чаще ориентированы на модель семьи с двумя-тремя детьми: 39% против 31% у мужчин.

Различия проявляются и в факторах, влияющих на репродуктивные решения. Женщины чаще отмечают опасения, связанные с ухудшением материального положения, трудностями совмещения профессиональной деятельности с воспитанием детей и состоянием здоровья. Мужчины, напротив, в большей мере рассматривают вопрос о числе детей через призму ценностных представлений о семье.

Примечательно, что 39% женщин не планируют рождение детей в будущем, однако значительная часть из них уже завершила реализацию репродуктивных планов, имея одного или нескольких детей. Выявленный гендерный разрыв в желаемом числе детей сопоставим с глобальными тенденциями, описанными в докладе UNFPA (2025), и отражает более широкий процесс трансформации гендерных ролей, связанный с ростом участия женщин в системе образования и на рынке труда.

Региональные особенности репродуктивных установок

Демографическое поведение населения Казахстана характеризуется также региональными различиями, формирующимися в том числе, под влиянием социально-экономических условий, структуры занятости, уровня урбанизации и культурных традиций. В южных регионах (Туркестанская, Кызылординская области, г. Шымкент) многодетность остается устойчивой социальной практикой: 67,9% респондентов Туркестанской области хотели бы иметь четырех и более детей в идеальных условиях.

В северных и центральных регионах (Акмолинская, Костанайская, Северо-Казахстанская, Восточно-Казахстанская области) доминирует модель малодетной семьи. Данные регионы отличаются более высокой долей городского населения, более поздним вступлением в брак и более выраженной ориентацией на профессиональную самореализацию. Показательно, что в Акмолинской области лишь 19,8% респондентов ориентированы на многодетность, что в 3,4 раза меньше, чем в Туркестанской.

В северных приграничных регионах лишь около десятой части жителей допускают возможность рождения четвертого ребенка. Тем не менее среди молодежи данных регионов сохраняется демографический потенциал. Значительная часть молодых бездетных респондентов планирует в будущем двоих детей, что свидетельствует о распространенности модели нормодетной семьи как оптимального баланса между семейными и профессиональными стратегиями.

Изменение жизненных стратегий и семейных ценностей

Наряду с социально-экономическими факторами важное значение при формировании репродуктивных установок приобретает трансформация ценностных ориентиров. Так, по данным исследования, несмотря на сохранение высокой значимости семьи как базового социального института, наблюдается постепенная трансформация способов реализации семейных стратегий.

К числу характерных тенденций можно отнести доминирование нуклеарной модели семьи, реализация которой все чаще наблюдается среди городских жителей с высоким уровнем образования. При этом значимость жизненных стратегий, связанных с получением образования, карьерой и личностным ростом, приводит к более позднему вступлению в брак, и отложенным рождением первого ребенка.

Особого внимания заслуживает наличие доли бездетных (11,5%), преимущественно представленных молодежью с высоким уровнем образования и стабильной занятостью. Вместе с тем большинство представителей этой категории не исключают возможность смены жизненных планов при изменении семейных обстоятельств, что свидетельствует о потенциальной изменяемости репродуктивных установок.

В целом трансформация семейных ценностей в Казахстане проявляется не столько в отказе от семьи и родительства, сколько в изменении способов их реализации. Результаты исследования позволяют предположить, что наряду с трансформацией ценностей существенную роль играют институциональные и экономические ограничения.

Заключение

Результаты исследования показывают, что демографическая структура Казахстана характеризуется разнообразием семейных моделей, среди которых доминирует нормодетная семья с двумя-тремя детьми. При этом выявлен существенный разрыв между желаемым и фактическим числом детей: значительная часть населения ориентирована на более высокую рождаемость, чем реализуется на практике. Основными барьерами выступают финансовые ограничения (39,1%), жилищные проблемы (23,8%), неуверенность в будущем (16,6%) и медицинские факторы (9-12,2%).

Полученные данные также свидетельствуют о наличии гендерных и региональных различий в репродуктивных установках. Мужчины чаще ориентированы на многодетность, тогда как женщины в большей степени учитывают практические аспекты родительства. Региональный анализ выявил устойчивый контраст между южными регионами, где многодетность распространена шире, и северными и центральными территориями, для которых характерны малодетные модели семьи. В связи с чем целесообразно принять во внимание региональные и другие особенности репродуктивного поведения, различия в жизненных стратегиях молодежи в рамках разработки и реализации семейной политики. Одновременно наблюдается распространение нуклеарной семьи и индивидуализация жизненных стратегий, однако семья и родительство по-прежнему сохраняют высокую значимость в системе ценностей казахстанцев.

Вместе с тем результаты исследования свидетельствуют о целесообразности дальнейшего развития мер поддержки молодых семей, расширения доступности жилья, создания условий для совмещения родительства и занятости, а также учета региональных различий при разработке демографической политики.

Следует учитывать, что результаты основаны на данных одномоментного социологического опроса и отражают репродуктивные установки респондентов на момент исследования. Полученные данные не позволяют проследить изменение установок во времени и оценить степень реализации репродуктивных намерений в последующем. Кроме того, ответы респондентов могут быть подвержены влиянию социально желательных установок.

Вклад авторов

Г.К. Касимова – концепция исследования, обзор литературы, интерпретация результатов, подготовка текста.

С.С. Ермаханова – концепция исследования, сбор данных, анализ и интерпретация результатов, редактирование статьи.

Ж.М. Накипбаева – методологическое обеспечение, анализ данных, подготовка текста.

Все авторы ознакомились с окончательным вариантом рукописи и одобрили его к публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Список источников

1. Badolato, L. (2025). The fertility desires–intentions gap in the United States. Population Studies, 1–19. https://doi.org/10.1080/00324728.2025.2501315
2. Beaujouan, E., & Berghammer, C. (2019). The Gap Between Lifetime Fertility Intentions and Completed Fertility in Europe and the United States: A Cohort Approach. Population Research and Policy Review, 38(4), 507–535. https://doi.org/10.1007/s11113-019-09516-3
3. Berrington, A. (2004). Perpetual postponers? Women's, men's and couple's fertility intentions and subsequent fertility behaviour. Population Trends, (117), 9–19.
4. Dommermuth, L., Klobas, J., & Lappegård, T. (2011). Now or later? The Theory of Planned Behavior and timing of fertility intentions. Advances in Life Course Research, 16(1), 42–53. https://doi.org/10.1016/j.alcr.2011.01.002
5. Kocourková, J., & Šťastná, A. (2021). The realization of fertility intentions in the context of childbearing postponement: Comparison of transitional and post-transitional populations. Journal of Biosocial Science, 53(1), 82–97. https://doi.org/10.1017/S002193202000005X
6. Lesthaeghe, R. (2014). The second demographic transition: A concise overview of its development. Proceedings of the National Academy of Sciences, 111(51), 18112–18115. https://doi.org/10.1073/pnas.1420441111
7. Бюро национальной статистики АСПиР РК (2024) Демографическая статистика. Доступно по: https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/ (дата обращения: 22.04.2026).
8. Institute for Family Studies (2024) The Global Fertility Gap. Доступно по: https://ifstudies.org/blog/the-global-fertility-gap (дата обращения: 22.04.2026).
9. United Nations Population Fund (2025) State of World Population 2025: The Real Fertility Crisis – the Pursuit of Reproductive Agency in a Changing World. Bloomfield: United Nations Publications.
10. The Global Fertility Gap. (n.d.). Institute for Family Studies. Retrieved 22 April 2026, from https://ifstudies.org/blog/the-global-fertility-gap
11. Yeatman, S., & Smith-Greenaway, E. (2025). Unrealized fertility in demography. Demographic Research, 53, 1145–1172. https://doi.org/10.4054/DemRes.2025.53.36

Г.К. Касимова[1], С.С. Ермаханова[2], Ж.М. Накипбаева[3]

[1,2,3] Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты, Астана, Қазақстан

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЖҮЗЕГЕ АСЫРЫЛМАҒАН РЕПРОДУКТИВТІЛІК: ҚАЛАУЛЫ ЖӘНЕ НАҚТЫ БАЛА САНЫНЫҢ АРАСЫНДАҒЫ АЛШАҚТЫҚ

Аңдатпа. Мақала 2025 жылы жүргізілген репрезентативті әлеуметтанулық зерттеу нәтижелері негізінде Қазақстан халқының репродуктивтік стратегияларын талдауға арналған. Іріктеме көлемі – 8 000 респондент. Зерттеудің мақсаты – халықтың репродуктивтік ұстанымдарының құрылымы мен отбасылық стратегияларды жүзеге асыруға кедергі болатын факторларды анықтау. Нәтижелер бойынша ең кең таралған үлгі – 2-3 балалы отбасы (43,1%). Респонденттердің 43,7%-ы идеалды жағдайда 4 және одан көп бала сүйгісі келетінін білдіреді, бұл демографиялық әлеуеттің бар екенін білдіреді. Негізгі кедергілер: қаржылық шектеулер (39,1%), тұрғын үй мәселесі (23,8%), болашаққа сенімсіздік (16,6%). Гендерлік айырмашылықтар да бар: ерлер көп балалылыққа бейімірек (50,3%), әйелдер – 2-3 балалы отбасын таңдайды (39%). Оңтүстік өңірлерде көп балалылық жоғары, солтүстік пен орталықта – аз балалы отбасы үлгісі басым. Отбасылық құндылықтардың трансформациясы нуклеарлық отбасы үлгісінің таралуымен, жеке өмірлік стратегиялардың даралануымен және ерікті түрде бала сүймеушілердің (11,5%) артуымен байқалады.

Негізгі ұғымдар: репродуктивтік стратегиялар, туу, жүзеге асырылмаған репродуктивтілік, отбасылық құндылықтар, демографиялық саясат, Қазақстан, өңірлік айырмашылық, гендерлік айырмашылық.

G.K. Kassimova[1], S.A. Yermakhanova[2], Zh.A. Nakipbayeva[3]
[1,2,3] Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

UNREALIZED FERTILITY IN KAZAKHSTAN: THE GAP BETWEEN DESIRED AND ACTUAL NUMBER OF CHILDREN

Abstract. The article analyses the reproductive strategies of Kazakhstan's population based on a representative social survey conducted in 2025 by the Kazakhstan Institute for Strategic Studies (KazISS). The sample comprised 8,000 respondents aged 18 and over from all regions of the country. The study aimed to determine the structure of reproductive intentions and identify barriers to the realisation of family strategies. The context is set by a gradual decline in fertility intensity: Kazakhstan's crude birth rate fell from 23.11 per thousand in 2014 to 18.15 in 2024. The methodology is grounded in demographic sociology and operationalises ideal, intended, and actual fertility in accordance with international fertility gap standards. Results show that the two-to-three-child family is the most common model (43.1%), yet 43.7% of respondents would ideally want four or more children, indicating substantial unrealised demographic potential. Key barriers are financial constraints (39.1%), housing problems (23.8%), and uncertainty about the future (16.6%). Gender differences are significant: men are more frequently oriented toward large families (50.3% vs. 37.8% among women). Regional analysis reveals a strong contrast between the south (high prevalence of large families) and the north and centre (low-fertility model). Family value transformation manifests in the spread of the nuclear family model, individualisation of life strategies, and a moderate increase in voluntary childlessness (11.5%). The findings advance understanding of reproductive behaviour in Kazakhstan amid ongoing economic and value transformations and provide empirical evidence relevant to the design of demographic policies.

Keywords: reproductive strategies, fertility, unrealised fertility, family values, demographic policy, Kazakhstan, regional differentiation, gender differences.

References

1. Badolato, L. (2025). The fertility desires–intentions gap in the United States. Population Studies, 1–19. https://doi.org/10.1080/00324728.2025.2501315
2. Beaujouan, E., & Berghammer, C. (2019). The Gap Between Lifetime Fertility Intentions and Completed Fertility in Europe and the United States: A Cohort Approach. Population Research and Policy Review, 38(4), 507–535. https://doi.org/10.1007/s11113-019-09516-3
3. Berrington, A. (2004). Perpetual postponers? Women's, men's and couple's fertility intentions and subsequent fertility behaviour. Population Trends, (117), 9–19.
4. Dommermuth, L., Klobas, J., & Lappegård, T. (2011). Now or later? The Theory of Planned Behavior and timing of fertility intentions. Advances in Life Course Research, 16(1), 42–53. https://doi.org/10.1016/j.alcr.2011.01.002
5. Kocourková, J., & Šťastná, A. (2021). The realization of fertility intentions in the context of childbearing postponement: Comparison of transitional and post-transitional populations. Journal of Biosocial Science, 53(1), 82–97. https://doi.org/10.1017/S002193202000005X
6. Lesthaeghe, R. (2014). The second demographic transition: A concise overview of its development. Proceedings of the National Academy of Sciences, 111(51), 18112–18115. https://doi.org/10.1073/pnas.1420441111
7. Bjuro nacional'noj statistiki ASPiR RK (2024) Demograficheskaja statistika. Dostupno po: https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/ (data obrashhenija: 22.04.2026). [in Russian]
8. Institute for Family Studies (2024) The Global Fertility Gap. Доступно по: https://ifstudies.org/blog/the-global-fertility-gap (дата обращения: 22.04.2026).

9. United Nations Population Fund (2025) State of World Population 2025: The Real Fertility Crisis – the Pursuit of Reproductive Agency in a Changing World. Bloomfield: United Nations Publications.
10. The Global Fertility Gap. (n.d.). Institute for Family Studies. Retrieved 22 April 2026, from https://ifstudies.org/blog/the-global-fertility-gap
11. Yeatman, S., & Smith-Greenaway, E. (2025). Unrealized fertility in demography. Demographic Research, 53, 1145–1172. https://doi.org/10.4054/DemRes.2025.53.36

Сведения об авторах

Касимова Г.К. – главный эксперт отдела мониторинга общественного мнения, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Астана, Казахстан

Ермаханова С.А. – автор для корреспонденции, кандидат социологических наук, руководитель отдела мониторинга общественного мнения, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Астана, Казахстан

Накипбаева Ж.А. – PhD в области социологии, главный эксперт отдела мониторинга общественного мнения, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Астана, Казахстан

Авторлар туралы мәлімет

Касимова Г.К. – қоғамдық пікірді зерттеу бөлімінің бас сарапшысы, Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты, Астана, Қазақстан

Ермаханова С.А. – хат-хабар авторы, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты, қоғамдық пікірді зерттеу бөлімінің басшысы, Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты, Астана, Қазақстан

Накипбаева Ж.А. – әлеуметтану бойынша PhD, қоғамдық пікірді зерттеу бөлімінің бас сарапшысы, Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты, Астана, Қазақстан

Information about authors

Kassimova G.K. – chief expert, Public Opinion Monitoring Department, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

Yermakhanova S.A. – corresponding author, Candidate of Sciences (Sociology), head of the Public Opinion Monitoring Department, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

Nakipbayeva Zh.A. – PhD in Sociology, chief expert, Public Opinion Monitoring Department, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan